

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

Муниципальный этап

10 класс

Аналитическое задание

Из двух предлагаемых для анализа текстов необходимо выбрать один: эпический или лирический.

Выполните целостный анализ рассказа Г.И. Газданова «Пленник», приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации:

- сюжет
- композиция
- система образов
- особенности типов речи
- проблематика
- подтекст

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Г.И. Газданов

Пленник

В России была гражданская война.

Тыловой отряд правительственных войск занимал маленькую деревню; стояли сильные морозы, и над снегом беспрерывно вилась острая ледяная пыль. На снегу чернели лохматые лошади; посиневшие от холода солдаты заходили в раскрытые ворота деревенских дворов. Когда лошади и люди были размещены и солдаты заснули в душных избах, в поле за деревней показался всадник, гнавший перед собой человека без шубы. Пленный был одет в штатский костюм с выглаженными брюками, которые казались особенно удивительными в этой морозной российской глуши, в этой средневековой обстановке. Он сильно размахивал на ходу правой рукой; левая его рука неподвижно и безжизненно была опущена вдоль тела. Они приблизились к самой большой избе; всадник слез с лошади, упер дуло винтовки в спину пленного и толкнул дверь. Войдя, они увидели молодого офицера, на коленях которого сидела крестьянка с красносизыми щеками. Она нехотя поднялась при виде новых людей. Тот, который привел человека в штатском, поставил винтовку в угол, подул себе на пальцы и сказал:

— Очень холодно. Примите в ваше распоряжение пленного.

И он протянул кусок бумаги, на котором было написано карандашом:

«В штаб отряда сил доставляю арестованного за пропаганду при аресте смеялся очень опасный согласно декрету приговариваю к высшей мере завтра утром взводный Свистков!»

— Что это за Свистков? — спросил офицер.

Человек, который привел пленного, казался удивленным.

— Я Свистков! — сказал он.

— Это ты бумагу писал?

— Я, — сказал Свистков, презрительно улыбаясь.

— И приговор?

— И приговор, — сказал Свистков, удивляясь непонятливости офицера.

— Ты, Свистков, дура.

— Не имеете права, — бойко ответил Свистков.

Офицер взглянул на пленного. Тот сидел на скамейке, вытянув ноги и засунув правую руку в карман; он смеялся и веселыми глазами посматривал то на офицера, то на Свисткова.

Офицер, казалось, думал о чем-то. Потом он твердо сказал, обращаясь к Свисткову:

— Пошел вон. Придешь в полк, скажешь своему начальнику: в штабе говорят, чтобы таких идиотов больше не посылали. Понял?

— Понял, — ответил Свистков и, спохватившись, нерешительно прибавил:

— Не имеете права, гражданин.

— Пошел вон, болван! — закричал офицер.

Свистков крикнул, взял свою винтовку и вышел. На крыльце он постоял некоторое время, раздумывая о том, какой плохой офицер ему попался, потом злобно ткнул лошадь коленом в живот, вскарабкался на седло, разобрал поводья и зачмокал губами. От этой привычки он, несмотря на издевательства и насмешки, которым из-за нее подвергался, никак не мог отучиться, потому что до своего поступления в красную кавалерию он служил в ассенизационном обозе.

* * *

Офицер осмотрел пленного с головы до ног. Пленный был высокий худой человек с впалыми щеками, бледным ртом и тонкими преступными бровями, которые не сходились на переносице, а поднимались вверх ко лбу, и при скудном свете керосиновой горелки, чадившей в избе, они казались дурно нарисованными каким-нибудь провинциальным гримером. Офицер рассматривал лицо пленного и насмешливо улыбался; пленный сидел с опущенными глазами. Потом он сразу широко раскрыл их и устремил на офицера — и тот сейчас же перестал улыбаться. В выражении этих внезапно раскрывшихся глаз не было ни гнева, ни угрозы; но в них стояло выражение такого презрительного сознания своего превосходства, что офицер покраснел от злости. Но глаза пленного вдруг смягчились, и офицер опять улыбнулся. Пленник покачал головой — и офицер бессознательно повторил его движение. И когда он поймал себя на мысли о том, что эти несколько секунд он находился под властью пленного, и сделал над собой усилие, стараясь вновь обрести свою самостоятельность, он увидел, что пленник опять смеется так же весело и добродушно, как смеялся в ту минуту, когда офицер сказал Свисткову — пошел вон... И он не знал, действительно ли что-то произошло или ему просто показалось. Он сказал пленнику с досадой:

— Я не знаю, гражданин, чему вы смеетесь. Могу вам обещать, во всяком случае, что завтра вам смеяться уже не придется.

Брови пленника поднялись и опустились.

— Вы напрасно двигаете бровями, — сказал офицер. Но брови опять пошевелились. Потом пленный отвернулся и рассеянно произнес:

— У вас очень гладкий лоб, молодой человек. Вы мало думаете. Вы всегда готовились к военной карьере?

— Это вас не касается.

— Не имею права? — спросил пленный, смеясь.

— Мы поговорим завтра утром.

Офицер подошел к двери, открыл ее и закричал в морозную глухую темноту:

— Тарасов!

Затрещал снег под грузными шагами, и к раскрытой двери подошел красногвардеец маленького роста. Гигантский маузер болтался на его поясе, доходя ему почти до колен. На груди у него висели две бомбы, за плечом торчала винтовка. Полушубок его был обернут двумя скрещивающимися пулеметными лентами.

— Пленный под твою ответственность, Тарасов. Бели он попробует уйти, стреляй.

— Слушаю, — сказал Тарасов и вошел в избу.

— Ты бы еще пулемет с собой захватил, — насмешливо сказал пленный, поглядев на Тарасова. — Где ты такой револьвер достал? Это, брат, пушка, а не револьвер. Что он у вас — передвижной арсенал? — обратился он к офицеру. Офицер не ответил.

Пленник проявил внезапную словоохотливость. Он расспросил Тарасова, из какой тот губернии, как жена и дети и отчего он такой маленький.

— Мало за уши драли, оттого и маленький, — ответил Тарасов.

Потом пленный начал скучать. Офицер в это время забрался на полати, в темный угол избы; оттуда слышались взвизгивания крестьянки и ее тихий смех. Пленный подмигнул Тарасову; Тарасов произвел какой-то странный звук, похожий на всхлипывание.

— Сиди веселей, дурак! — крикнул на него пленный. Затем он начал пристально смотреть на солдата. Тот мигал глазами, дергал головой и вдруг, выронив винтовку, опустил вниз,

обмяк и заснул. Пленный продолжал смотреть на него еще несколько секунд. Потом он громко сказал, повернувшись в сторону полатей:

— Товарищ офицер, ваш солдат заболел сонной болезнью...

* * *

Офицер долго тряс Тарасова, бил его по щекам, лил на него воду, но ничто не помогало. Помертвевшее бледное лицо солдата с веснушками на носу и маленькими белыми усами оставалось неподвижным. Он ровно дышал и спал глубоким сном.

— Дряннь солдаты у вас, — сочувственно сказал пленный.

— До рассвета недалеко, — сказал офицер, не отвечая. — Я дождусь утра вместе с вами.

— Милости просим, — сказал пленный, точно приглашая офицера зайти к нему в гости. —

Впрочем, до рассвета я здесь не пробуду: через час мне нужно идти.

Офицер посмотрел на него с изумлением.

— Я мог бы уйти сейчас, — спокойно продолжал пленный, — но мне еще рано. Посидим немного, поболтаем.

Офицер схватил его за плечи.

— Что вы сделали с Тарасовым?

— Ничего. Он спит.

— Почему он заснул?

— Я не могу отвечать за ваших солдат. В избе тепло, он согрелся и заснул, что же тут удивительного?

— Вы вот не заснули...

— Я вообще сплю часа два в сутки, не больше.

Вдруг офицеру показалось, что плечо пленного сделано из дерева. Он пощупал левую руку ниже плеча: рука была деревянной.

— Вы инвалид?

— У меня нет левой руки.

— Нет левой руки! — пробормотал офицер с изумлением.

Пленный смотрел в сторону. Шипели сырые дрова в печке; на полатах фыркала и сморкалась крестьянка — не то она плакала, не то смеялась, — и офицеру стала казаться невероятной эта хрустящая от мороза ночь, и медленное пламя в печке, и всхлипывающая женщина в углу, и длинная фигура пленного с деревянной рукой и такими неправдоподобными, нарисованными бровями. Откуда-то издали донесся тихий протяжный звон и остановился в ушах офицера; и ему почудилось, точно он, и изба, и пленный — все это медленно двигается, едет и покачивается на ходу; или, может быть, это в ночной темноте тихо вздрагивает и колеблется огромная тяжесть вращающейся земли? Он опустил на табурет и тотчас закрыл глаза. Ему приснилось, что он стоит и бросает деньги в пропасть; вот блеснит в воздухе золотая монета, ему становится жаль терять ее, и он кидается вслед за ней и долго летит вниз, глядя неподвижными глазами на мрачные стены бездны; и, наконец, останавливается, ударившись обо что-то плечом.

Он проснулся и увидел те же необыкновенные брови пленного, которые видел, засыпая.

— Не спите, — сказал пленник. — Тут, я вижу, у вас просто эпидемия какая-то.

— Эпидемия... — пробормотал офицер. — Эпидемия...

— Как тиф, — сказал пленный.

— Тиф... — подумал офицер и мутно увидел грязных тифозных в почерневшем белье: у них были открытые темные рты и дикие глаза. — Я, наверное, заболеваю тифом.

— Очень возможно, — произнес голос пленника. — Очень возможно, что сонная болезнь, в конце концов, дойдет и до России. В этом нет ничего невероятного. Эй, вы, не спите! — кричал он офицеру.

Офицер с усилием открыл глаза и закурил папиросу. Он постепенно приходил в себя.

— Почему вы говорили, — спросил он пленного, — что вы через час уйдете?

— Потому что я действительно уйду.

— Но ведь я застрелю вас.

Пленный улыбнулся:

— Нет, не попадете.

— Как? На таком расстоянии?

— Да.

Теперь улыбнулся офицер.

— Хотите попробовать? — спросил пленный.

— Пожалуйста.

Пленный встал и отошел на несколько шагов. Офицер навел на него револьвер.

— Вы сделаете четыре выстрела, — сказал пленный. — Если вы промахнетесь все четыре раза, я считаю себя вправе уйти. Идет?

— Идет, — ответил офицер.

Дуло револьвера было на уровне груди пленного. Нажимая курок, офицер встретил неподвижный взгляд черных глаз... Револьвер дал осечку.

— Не считается, — сказал пленник.

— Почему? Пусть считается. У меня остается еще три выстрела.

— Хорошо. Значит, каждая осечка тоже считается?

— Конечно.

Офицеру снова захотелось спать. Он пересилил себя, опять взвел курок и прицелился. Мушка револьвера прямо глядела в лоб пленного. Он нажал собачку. Выстрела не последовало; второй раз его прекрасный револьвер дал осечку.

— Невероятно! — забормотал офицер. Он направил дуло вниз, дернул за курок, и тотчас оглушительный шум наполнил избу: пуля пробила пол, серое облачко выстрела едва не потушило керосиновую лампу на столе. К дверям избы на шум стрельбы прибежало несколько солдат в нижнем белье. Они дрожали от холода и прыгали на снегу.

— Револьвер пробую, идите спать, — сказал им вышедший офицер. Все опять успокоилось.

— Остается два выстрела, — напомнил пленный.

Туман застелил глаза офицеру; ему так хотелось спать, что он едва не дремал стоя.

Снова рука с револьвером поднялась в воздух. Пленный прямо смотрел на офицера: офицер целился в грудь.

И в третий раз револьвер дал осечку.

— Колдовство, — сонно сказал офицер. — Это колдовство.

Наконец, в четвертый раз, револьвер дернулся в руке офицера, и раздался выстрел. Офицер вздохнул и закрыл глаза: с пленным было покончено. Но когда он посмотрел в том направлении, куда стрелял, он увидел прямую высокую фигуру, не сдвинувшуюся с места.

— С пяти шагов попасть не можете, — насмешливо заметил пленный. — Ну, представление окончено. Через десять минут я вас покидаю.

— Вы не уйдете... — нерешительно сказал офицер.

Пленный махнул рукой:

— Сядьте, отдохните немного. Вы, должно быть, устали от стрельбы.

Они сели — и офицер заснул, не успев закрыть рта. С полатей слышалось равномерное дыхание крестьянки.

Тарасов, почти сползший с табуретки, спал, висая в воздухе и покачиваясь.

— Сонное царство, — пробормотал пленный. Потом он открыл завизжавшую дверь и вышел.

Офицер проснулся через пять минут. Пленного не было.

Тогда он вскочил с места, вытащил из кобуры Тарасова маузер и выбежал из избы. Фигура пленного чернела уже довольно далеко. Начинался рассвет; снежная пыль взвивалась над дорогой.

Офицер бежал за пленным, не чувствуя холода. Ноги его дрожали, он падал и опять поднимался. В снежной пыли перед ним мелькала узкая спина пленника.

Он выстрелил; пуля зарылась в снег возле правой ноги человека в штатском и тотчас же в деревне завyla собака. На душе офицера сразу стало тревожно и нехорошо. Пленный обернулся.

— Стой! — хотел крикнуть офицер — и не мог. Холодный револьвер прилип к его пальцам.

Теперь пленный шел навстречу офицеру. Правая рука его была засунута в карман.

Офицер с ужасом заметил, что левая, деревянная, рука пленного не была более неподвижной. Офицер не мог пошевелинуться; он молча стоял на снегу, опустив ненужный револьвер и чувствуя, что сейчас произойдет что-то страшное.

Он дернул головой. Деревянный кулак пленного ударил его два раза по лицу; он упал ничком в снег и остался лежать неподвижно.

Размахивая правой рукой и делая большие шаги, пленник уходил все дальше и дальше в поле — пока снег не скрыл его совершенно.

1930

Гайто (Георгий) Иванович Газданов (1903-1971) - русский писатель-эмигрант, прозаик, литературный критик.

Выполните целостный анализ стихотворения А.С. Кушнера «Кружево», приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации:

- изображение лирического объекта
- средства создания связанной с ним атмосферы
- особенности ритмической и синтаксической структуры текста
- обыденность и красота в художественной реальности поэта

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

А.С. Кушнер

Кружево

Суконное с витрины покрывало
Откинули — и кружево предстало
Узорное, в воздушных пузырьках.
Подобье то ли пены, то ли снега.
И к воздуху семнадцатого века
Припали мы на согнутых руках.

Притягивало кружево подругу.
Не то чтобы я предпочел дерюгу,
Но эта роскошь тоже не про нас.
Про Ришелье, сгубившего Сен-Мара.
Воротничок на плахе вроде пара.
Сними его — казнят тебя сейчас.

А все-таки как дышится! На свете
Нет ничего прохладней этих петель,
Сквожений этих, что ни назови.
Узорчатая иглотерапия.
Но и в стихах воздушная стихия
Всего важней, и в грозах, и в любви.

Стих держится на выдохе и вдохе,
Любовь — на них, и каждый сдвиг в эпохе.
Припомните, как дышит ночью сад!
Проколы эти, пропуски, зиянья,
Наполненные плачем содроганья.
Что жизни наши делают? Сквозят.

Опомнимся. Ты, кажется, устала?
Суконное накинem покрывало
На кружево — и кружево точь-в-точь
Песнь оборвет, как песенку синица,
Когда на клетку брошена тряпица:
День за окном, а для певуныи — ночь.

1976

Александр Семенович Кушнер (1936) – российский поэт, лауреат международных и российских литературных премий. Автор около 50 книг стихов (в том числе для детей) и ряда статей о классической и современной русской поэзии.

Творческое задание

Предложите свой проект приложения для подростков к журналу «Вокруг света». Для этого:

- 1) придумайте 3-4 разных тематических рубрики, в которых будут представлены материалы журнала, и коротко их охарактеризуйте;
- 2) подберите для первого выпуска 2-3 художественных произведения небольшого объема на «всемирные» темы, которыми были бы интересны вашим сверстникам и которыми можно было бы привлечь их внимание к новому изданию; кратко поясните, почему вы выбрали именно эти тексты;
- 3) предложите кандидатуры 2-3 современных писателей, которым вы бы заказали материалы для журнала, и объясните ваш выбор;
- 4) придумайте оригинальное название для приложения (так, чтобы оно было связано с основной тематикой «взрослого» журнала и при этом показывало, что его целевая аудитория – подростки).

Объем ответа 150-200 слов.